

ПЕРЕД ВОЙНОЙ («МОМЕТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ»)

Незадолго до последнего ареста побывал в Загорске бывший профессор церковного права Николай Николаевич Фиолетов (1891–1943, скончался в лагере) с женой. Позади уже были аресты, тюрьмы, ссылки ... Хотелось побывать возле Лавры, пожить в Посаде. «Но вот подошла весна 1941 года, – вспоминала его жена Н.Ю. Фиолетова. Занятия в школе кончились ... В один из свободных дней мы съездили в Загорск, побывали в Лавре. Лавра представляла собой печальное зрелище: все было в запущенном виде, храмы закрыты и разрушались, монастырские корпуса были заняты людьми, не имеющими никакого отношения к монастырю. Академический храм был превращен в дом учителя, где проходили конференции. Всюду на веревках сушилось белье, бегали ребятишки, с шумом катались на мотороллерах (так у автора – Т.С.) подростки. Сердце сжималось при виде мерзости запустения в этом священном для всякого русского (и не только православного) человека месте. Знаменательной казалась незаполненность одной из четырех сторон гранитного обелиска, стоящего в центре Лавры среди ее храмов: на трех сторонах обелиска были выгравированы страницы славной истории монастыря – описания постигавших его в прошлом бедствий. Глаза невольно останавливались на этой четвертой, незаполненной еще стороне, и воображение подсказывало, что можно было бы написать в назидание потомству на ней.

Подошли к Троицкому собору. По нашей просьбе привратник открыл нам его, мы вошли в запущенный, темный храм, осмотрели осыпавшиеся и разрушавшиеся фрески, подошли к опустевшей раке, молча постояли перед ней, как вдруг в храм вбежал маленький старый монах, проскочил мимо нас, бросился в земном поклоне перед ракой святого и также быстро и молча ушел. Потрясенные этой картиной, вышли и мы из храма. Денек был пасмурный, прохладный, изредка капал дождь. Мы отправились по

Вифанской улице по направлению к скитам. Лес только распустился, и листва была свежая, всюду буйно росла трава, но не было уже ни скита, ни семинарии. Одиноко стояла закрытая Черниговская церковь, а вокруг нее в монастырских зданиях ютилась беднота – те же веревки с бельем, те же голопузые ребятишки. Грустно, грустно, невероятно грустно. Что случилось со всей этой красотой, с покоем и тишиной освященного молитвой леса? Уже в сумерки подошли мы к дому одних старушек, к которым нам рекомендовали обратиться наши хорошие знакомые, узнав, что мы хотели бы провести лето в уголке, овеянном святыми воспоминаниями. Место действительно было очаровательное: уютные деревянные одноэтажные домики с садами и огородами, поросшая зеленой муравой улочка, косогор, откуда открывается вид на Черниговскую, Вифанию, Скитский лес. Внизу – знаменитые Вифанские пруды с чистой прозрачной водой, где монахи ловили некогда рыбу. Но и здесь была мерзость запустения: вода была спущена, пруды заросли травой и камышом, но общий вид оставался всё же прекрасным. Нам понравилось здесь, но старушки, несмотря на рекомендацию, отнеслись к нам подозрительно: что-то им в нас не понравилось, не внушило доверия, и они категорически отказали нам в сдаче комнаты. Так и не удалась наша попытка пожить в уделе преп[одобного] Сергия».